

Электронный научно-образовательный журнал «История».
2013-2024

ISSN 2079-8784

URL - <http://history.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 3 (137) Том 15 - Россия между Западом и Востоком:
историческая ретроспектива. 2024

Создавая революционную историю Советского Востока: Туркестанское восстание 1916 г. в советской историографии и пропаганде 1920—1940-х гг.

Тихонов Виталий Витальевич

Институт российской истории РАН

Российская Федерация, Москва

Аннотация

В статье анализируются контексты и факторы формирования и развития образа Туркестанского восстания 1916 г. в советской исторической науке и пропаганде 1920—1940-х гг. В работе используются как опубликованные, так и неопубликованные источники. В частности, в научный оборот вводится неопубликованная монография А. В. Шестакова. Демонстрируется, что восстание было прочно вписано в классово-антиколониальный дискурс советского исторического нарратива, выполняя функцию конструирования революционной истории Средней Азии и выстраивания ее континуитета с Октябрьской революцией. Указывается, что заметную роль в актуализации образа восстания играл внешнеполитический фактор, поскольку советская власть рассматривала восстание в качестве мобилизующего образа для колониально-зависимых народов. Несмотря на ревизию в 1940-е гг. оценки антицаристских восстаний, Туркестанское восстание сохранило свои позиции в официальной политике памяти, поскольку противопоставлялось «идеализации феодального прошлого» и поддерживало общесоюзный революционный миф.

Ключевые слова: Туркестанское восстание 1916 г., Амангельды Иманов, советский исторический нарратив, национальная политика, революционный миф, А. В. Шестаков, совещание историков 1944 г.

Дата публикации: 31.05.2024

Источник финансирования:

Работа выполнена в рамках проекта Российского научного фонда № 23-18-00303 по теме «Советский исторический нарратив: содержание, акторы и механизмы конструирования».

Ссылка для цитирования:

Тихонов В. В. Создавая революционную историю Советского Востока: Туркестанское восстание 1916 г. в советской историографии и пропаганде 1920—1940-х гг. // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2024. – Т. 15. – Выпуск 3 (137). URL: <https://history.jes.su/s207987840031024-5-1/>. DOI: 10.18254/S207987840031024-5

1

Введение

Туркестанское восстание 1916 г., спровоцированное началом мобилизации местного населения на тыловые работы, и охватившее значительную часть края¹, стало трагическим событием для народов Средней Азии. Восстание сопровождалось нападениями на представителей царской администрации и русских переселенцев. Подавление восстания привело к многочисленным жертвам и массовой миграции казахов и киргизов.

2 Восстание заняло важное место в советской политике памяти в 1920—1930-х гг. Через призму событий 1916 г., с одной стороны, конструировался революционный миф Средней Азии, а с другой — происходила презентация раннесоветского антиколониалистского дискурса. Среди советских специалистов по национальным отношениям и руководства страны сложилось убеждение, что в деле утверждения социализма необходимо форсировать развитие наций для полноценного вовлечения их в строительство социализма. Одним из вариантов такой прогрессистской практики стало формирование исторического нарратива, который, по замыслу его творцов, должен был вернуть нерусским народам их подавленную историческую субъектность и вписать в славную революционную традицию, приведшую к победе Октябрьской революции.

3 В то же время в 1920-е гг. для Средней Азии оставалось актуальным наследие джадидов², стремившихся придать памяти о восстании 1916 г. национальное измерение и представить его в качестве пробуждения исламских народов Российской империи. Отчасти этот антиколониальный пафос вписывался в советский нарратив, но в то же время противоречил ему в ряде ключевых моментах: в нем не было демонстрации классовой солидарности с пролетариатом империи и терялся континуитет с Октябрьской революцией.

4 Советская историография восстания 1916 г. уже анализировалась в ряде публикаций³. Как правило, акцент делался на идеологическом контексте и трансформации образа восстания 1916 г. в советской политике памяти. Также отмечалось, что советская национальная политика сыграла значимую роль в конструировании через образ восстания национального дискурса народов Средней Азии⁴. Можно было бы уточнить — «национально-освободительного» дискурса,

вполне вписывающегося сразу в несколько ключевых для того времени идеологических установок: неприятие павшего царского режима, политики «коренизации», борьбы с «великорусским шовинизмом» и больших надежд на народы Востока в качестве союзников в борьбе с капитализмом.

⁵ Историк Х. Дриё обратила внимание на то, что в интерпретации Туркестанского восстания советской властью и представителями местной интеллигенции часто делались разные акценты. Советы предпочитали говорить о «народно-освободительной» борьбе, в то время как среднеазиатская интеллигенция (разумеется, неоднородная по своему национальному составу и с разными интеллектуальными и идеологическими предпочтениями) рисковала рассуждать о «национально-освободительной» борьбе, в чем, несомненно, можно увидеть идейное наследие джадидов. В первом случае фокусировался классовый фактор, во втором — национальный⁵. Последнее ожидало вызывало опасения большевиков и расценивалось как «местный национализм», «исламизм» или «пантюркизм». При этом следует учитывать и терминологическую неопределенность, когда использование понятия «национально-освободительное» в общем контексте подразумевало интерпретацию восстания как «народно-освободительного». Концептуальным маркером здесь выступала связь восстания с пролетарским революционным движением и континуитет с грядущей Октябрьской революцией. Фактически за этими двумя очень похожими понятиями скрывались два концепта: национально-антиколониальный и классово-антиколониальный. Забегая вперед, можно отметить, что победа последнего была неизбежной, особенно после искоренения наследия местных интеллектуалов-джадидов в конце 1920-х гг.

⁶ Хотелось выделить и другой ракурс проблемы — внешнеполитический. Дело в том, что конструирование национальных (республиканских) исторических нарративов в СССР происходило в напряженном внешнеполитическом контексте, который самым непосредственным образом влиял на их содержательное и идеологическое наполнение⁶. При этом обращение к ранее не вводившимся в научный оборот архивным документам позволит полнее представить сам процесс включения восстания 1916 г. в советский исторический нарратив. В этой связи возникает и еще один важный вопрос: почему ряд среднеазиатских восстаний был подвергнут остракизму и выпал из актуальной идеологической повестки, а восстание 1916 г. сохранило свой статус?

⁷

Дискуссии о характере восстания 1916 г. в 1920—1930-х гг.

Восстание 1916 г. быстро вошло в обиход актуальных исторических образов. Причин тому было немало. Во-первых, в ситуации, когда в Средней Азии продолжала сохраняться напряженность, обусловленная радикальными политическими и социокультурными трансформациями, а также боевыми действиями «басмачей», образ «правильного», революционного восстания использовался для легитимации новой власти. В 1920—1930-е гг. была популярна формула, согласно которой восстание 1916 г. стало ключевой предпосылкой революционного преобразования Средней Азии. Согласно указанию И. В. Сталина

в курсе лекций «Об основах ленинизма» (1924), торжество революции возможно через «революционный союз с освободительным движением колоний и зависимых стран против империализма»⁷. На этом указании основывалась интерпретация восстания 1916 г. Известный партийный деятель М. Г. Рафес выводил в 1936 г. (на тот момент — заместитель наркома просвещения Узбекской ССР) следующую формулу: «Восстание 1916 года — определенное звено в цепи событий, приведших к победе Октябрьской революции<...> связать восстание 1916 года с гражданской войной в Средней Азии, а затем с победой социалистического строительства и национальной политики в Средней Азии»⁸.

⁸ Во-вторых, события 1916 г. вписывались в советский антиколониальный дискурс 1920-х гг., позволяя клеймить царскую «колониальную» и «антинародную» политику, а восстание рассматривалось как (анти)колониальная революция⁹. Очевидно, что значимую роль в продвижении героического мифа о событиях 1916 г. на уровне высшего советского руководства играл влиятельный политик, казах по национальности Т. Р. Рыскулов, сам принимавший активное участие в восстании¹⁰.

⁹ 1920-е гг. отличались определенным плюрализмом и отсутствием четких указаний о том, как следует интерпретировать восстание и его ход. Как уже отмечалось, востребованным оставались представления, связываемые с традицией джадидов, о национально-антиколониальном характере восстания.

¹⁰ В 1926—1927 гг. Истпарт при Среднеазиатском бюро ЦК ВКП (б) организовал дискуссию, в которой приняли участие ведущие исследователи и партийные деятели. Разброс мнений был значительным. А. Кенжин отрицал сам факт восстания, рассматривая его как ряд не связанных между собой случаев сопротивления мобилизации. И. Кузьмин считал восстание бунтом «темных и забитых масс», поскольку в Туркестане не было буржуазно-национального движения. На недостаток руководящей силы указывали и Ф. Голощекин и К. В. Харламович¹¹. Т. Рыскулов и Г. И. Бройдо доказывали, что восстание было спровоцировано царским правительством с целью захвата колонизационных фондов. А. Миклашевский подчеркивал большую роль в восстании панисламистов и рассматривал восстание как национальное и даже националистическое, направленное против царской власти и русских колонистов¹². Е. Федоров доказывал, что движение шло за восстановление власти феодалов, и поэтому его следует считать реакционным. Впрочем, с его точки зрения, оно было революционным в том смысле, что ослабляло фронт империалистической войны¹³. А. Н. Зорин в книге 1931 г. указывал, что восставшие оказались в противостоянии с русскими переселенцами¹⁴.

¹¹ Внутриполитические процессы конца 1920 — начала 1930-х гг. оказали заметное влияние на трансформацию образа восстания 1916 г. Если в предыдущее десятилетие ряд «старых» интеллектуалов активно сотрудничали с советской властью, видя в ее рамках возможность национально-культурного развития, то в период «Великого перелома», «наступления социализма по всем фронтам» и роста международной напряженности¹⁵ такие взгляды все больше вызывали подозрения. В 1927 г. по обвинению в национализме был арестован преподаватель Восточного рабочего коммунистического университета Лизиз Азиззода, представивший

диссертацию «История пробуждения Туркестана», в которой акцентировался национальный фактор в восстании 1916 г. и не прослеживалось четкой линии между событиями в Средней Азии и революцией 1917 г.¹⁶

¹² В ситуации, когда дискуссии признаются политически опасными и сворачиваются, Культпроп Среднеазиатского бюро ЦК ВКП (б) и Среднеазиатский научно-исследовательский институт истории революции (СНИИИР) в 1931 г. подготовили тезисы к 15-й годовщине восстания. Если в 10-летний юбилей была организована дискуссия, то теперь уже последовали директивные указания. В них восстание рассматривалось в качестве проявления кризиса империализма, выразившегося в мировой войне и усилении эксплуатации. Это привело к хозяйственному кризису в Центральной Азии (как и в империи в целом), являвшегося частным проявлением общего кризиса империализма: «Восстание было направлено против империалистической борьбы за хлопок, обрекавшей хлопкороба на вечную кабалу»¹⁷.

¹³ Согласно тезисам, восстание носило «национально-освободительный» характер. Категорически отвергалось положение о восстании как бунте «несознательного и забитого» населения. Эта точка зрения объявлялась «великодержавным шовинизмом». Движущими силами объявлялись дехканские и скотоводческие классы, а также «пролетарские и полупролетарские элементы коренного населения городов»¹⁸. Вопрос о роли партии большевиков решался следующим образом. Поскольку партия в это время оказалась загнанной в глубокое подполье, то и восстание осталось «без пролетарского руководства и без руководства большевистской партии»¹⁹. Что и стало одной из причин его поражения. В то же время авторы тезисов осторожно указывали, что восстание постепенно принимало организованные формы.

¹⁴ «Местные эксплуататорские классы», связанные с интересами господствующих российских классов, заняли «позицию трусливого “нейтралитета”». Впрочем, тезисах указывалось, что в некоторых районах во главе оказались представители эксплуататорских классов, шедшие с восставшими до конца. Это связывалось с их стремлением восстановить старые порядки, в частности возродить ханскую власть. Кроме того, осторожно ставилась проблема нападений на русских поселенцев. Утверждалось, что восставшие руководствовались классовым чутьем и в основном нападениям подвергались зажиточные кулаки. Можно смело предположить, что актуализация образа кулака в качестве общего врага связана с проводившейся в СССР коллективизацией.

¹⁵ Несмотря ни на что, подчеркивалось, что восстание 1916 г. «подготовило победу Октября в Средней Азии», став репетицией, позволившей народам извлечь уроки из поражения и больше не доверять националистам и местным эксплуататорским классам. В 1917 г. «дехканство и скотоводческие массы Средней Азии вступили в боевой революционный союз с российским пролетариатом и крестьянством»²⁰.

¹⁶ Итак, тезисы фиксировали поворот к контролю над исторической памятью. В 1930-е гг. будут доминировать озвученные в приведенных выше тезисах положения. В конкуренции двух концептов — «национально-антиколониального»

и «классово-антиколониального» — победа закреплялась за последним. Показательна эволюция кыргызского историка Ю. Абрахманова, который в 1920-е гг. описывал восстание как националистическое, а в 1930-е гг. уже стремился продемонстрировать классовую солидарность восставших с русскими рабочими и крестьянами. Общим врагом оказывается царская администрация и кулак²¹.

¹⁷ Восстание 1916 г. стремились сделать важным элементом общественного сознания. Фактически оно заменяло в историческом нарративе советской Азии героину революционной борьбы. Публиковались специальные сборники воспоминаний участников событий. В 20-летие событий (1936 г.) была опубликована книга известного тогда казахского исследователя восстания 1916 г. С. Д. Асфендиарова. В ней уже указывалось, что казахи вели классовую борьбу не только с царской администрацией, но она проходила и внутри аула. Негативно оценивалась «чиновничья» казахская интеллигенция, к которой причислялся Ч. Валиханов, объявлявшийся идеологом казахского султаната. То же относилось и к национальной буржуазии. Обе силы рассматривались как «классово чуждые народу». Казахский буржуазный национализм, ассоциирующийся с джадидами, находился под перекрестным влиянием пантюркизма и панисламизма, хотя и делал первые шаги, чтобы освободиться от их влияния. Автор осторожно указывал, что революционное движение начала XX в. способствовало активизации национально-освободительной борьбы казахов. Само восстание по-прежнему оценивается как национально-освободительное. Особое внимание теперь уделялось тому, что восстание способствовало развитию классового сознания казахов. Специальная глава описывала революционизацию казахов, отправленных на работы в прифронтовой зоне. Это можно рассматривать как попытку показать влияние большевистской партии и пролетариата на казахское освободительное движение. Ранее это почти полностью отрицалось. С. Д. Асфендиаров считал главной движущей силой казахскую бедноту. Восстание было подавлено при «поддержке байства и при предательстве казахской буржуазной интеллигенции»²².

¹⁸ Произошедший во второй половине 1930-е гг. поворот к «советскому патриотизму» и «дружбе народов» открыл новое окно возможностей для реинтерпретации событий 1916 г., а репрессии против ведущих партийных историков зачистили историографическое пространство²³. Все больше подчеркивалась роль русского пролетариата в руководстве (пусть и косвенном) восстанием. Публикация «Краткого курса истории ВКП (б)» (1938) потребовала усиления в описаниях восстания роли партии. Постепенно был выработан шаблон, по которому восстание 1916 г. как бы вливалось в единый поток революционного движения в Российской империи, а движение пролетариата создавало благоприятные условия для антиколониальной борьбы.

¹⁹ Видимо, ко второй половине 1930-х гг. можно говорить о том, что складывается и выходит на общесоюзный уровень культ руководителя восстания и участника гражданской войны на стороне большевиков, казаха Амангельды Иманова (1873—1919). Это являлось частью конструирования нового, гибридного пантеона советских героев, в который вошли как представители революционной традиции, так и исторические персоны, олицетворяющие государственнический вектор²⁴, что вполне вписывалось в идеологему «советского патриотизма» и дрейф исторического нарратива в сторону великодержавия с сохранением пафоса

революционной борьбы²⁵. Фигура Амангельды Иманова должна была придавать пантеону многонациональный характер и поддерживать революционную линию. В 1938 г. вышла книжка И. Рахманова «Амангельды Иманов». В том же году был снят первый казахский звуковой фильм «Амангельды Иманов» (реж. М. Левин)²⁶. Издавались монографии²⁷. По-настоящему этот культ развернут уже в годы Великой Отечественной войны.

20

Неопубликованная книга А. В. Шестакова

Имя Андрея Васильевича Шестакова (1877—1941) вспоминают, как правило, в связи со знаменитым «Кратким курсом истории СССР» (1937), занявшим второе место (первое не присудили никому) на всесоюзном конкурсе учебников истории для школы и ставшим на некоторое время образцом для всей советской исторической литературы. В редактировании учебника непосредственное участие принял сам Сталин²⁸. В нем восстание в Туркестане было преподнесено в антицаристском и антиимпериалистическом ключе, как форма революционной борьбы. В тексте указывалось, что восставшие нападали на города, вступали в бой с царскими войсками и полицией, а также проявляли классовое сознание и убивали своих волостных старшин. Про нападения на русских переселенцев не говорилось. Специально упоминался Амангельды Иманов. Подавление восстания описывалось как предельно жестокая акция: «Царские власти посылали против восставших войска с пушками, пулеметами, броневиками. В крови и в дыму сожженных кишлаков и аулов они задушили эти восстания»²⁹. Но далее говорилось о классовом и межнациональном единстве в борьбе против царизма. Учебник закрепил именно такую презентацию восстания 1916 г.

²¹ Однако до своего главного триумфа А. В. Шестаков уже имел репутацию историка-марксиста «со стажем»³⁰. До 1917 г. он принимал активное участие в революционном движении, затем находился на партийной и советской работе. В 1924 г. окончил исторический факультет Института красной профессуры. Уже к концу 1920-х гг. Шестаков выдвинулся в качестве одного из ведущих специалистов по истории революционного движения и истории Средней Азии.

²² В историографии восстания 1916 г. имя А. В. Шестакова регулярно всплывает как автора ряда статей по теме, однако он готовил полноценную монографию по теме, но его главный труд так и не был опубликован. Согласно документам, выявленным в личном фонде А. В. Шестакова в Архиве РАН, работа над рукописью монографии, носившей рабочее название «Восстания в 1916 г. в Узбекистане и Киргизии», началась в 1929 г. Уже в названии, кстати, можно увидеть то, что Шестаков первоначально придерживался концепции множества восстаний. Самый ранний набросок текста монографии датирован 18.06.1929. Также можно найти план монографии от 24.VI.1929³¹. Неизвестно, когда точно была готова черновая версия книги, но в фонде А. В. Шестакова сохранились рецензии специалиста по Средней Азии П. Т. Алексеенкова (датирована 03.02.1934) и М. Г. Рафеса (датирована 31.05.1936). Последний занимал в то время пост заместителя наркома просвещения Узбекской ССР. В рецензии П. Т. Алексеенкова отмечались многочисленные недоработки по

фактическому материалу, а М. Г. Рафес акцентировал концептуально-идеологические промахи³². Очевидно, что последовала «работа над ошибками» и книге дали зеленый свет. Во всяком случае, А. В. Шестаков работал с гранками издания, датированными 28.12.1936³³. Однако ясно, что работа над монографией была отложена и, очевидно, связано это было с подготовкой школьного учебника по истории СССР. В 1936 г. Шестаков все же опубликовал статью о восстании 1916 г., в которой придерживался концепции колониальной революции и выстраивания континуитета между восстанием и Октябрьской революцией³⁴.

²³ После триумфа «Краткого курса истории СССР» А. В. Шестаков оказался в центре внимания, регулярно выступал с лекциями в главных образовательных и научно-исследовательских центрах СССР. Но через какое-то время вернулся к работе «своей жизни» и подготовил новую черновую версию монографии о восстании 1916 г. к 1940 г. В ней учитывались не только реалии текущей исторической политики, но и изменение статуса самого А. В. Шестакова, обретшего всесоюзную славу и авторитет историка, транслирующего актуальные идеологические установки. В этой ситуации он мог позволить себе более напористый стиль по отношению к своим оппонентам. Тем более, что многие из них уже сгинули в горниле Большого террора (М. Г. Рафес, С. Д. Асфендиаров, Т. Р. Рыскулов и другие). Теперь А. В. Шестаков мог окончательно занять место главного специалиста по истории восстания 1916 г. В монографии громились концепции Г. Бройдо, А. Миклашевского, А. Н. Зорина.

²⁴ Текст содержал важные указания на актуальность осмысления исторического опыта восстания: «В первой империалистической войне империализм был расшатан до такой степени, что он не смог удержать в своей власти 1/6 часть земного шара — Россию. Несомненно, что в результате второй империалистической войны, по своим масштабам и ужасам далеко превосходящей первую войну 1914—1918 гг., можно ждать дальнейшего распада этой проклятой человечеством системы. Вот почему необходимо тщательное изучение всех факторов, которые ускоряют распад империализма и содействуют победе социалистической революции»³⁵.

²⁵ Итак, в данном отрывке транслируется идея мировой революции, стимулом к которой станет текущая мировая война, которую в СССР рассматривали в качестве явного признака кризиса системы капитализма. Стоит указать, что именно этот мировой контекст делал восстание 1916 г. чрезвычайно востребованным историческим образом, позволявшим актуализировать антиколониальный опыт русской революции в мировом масштабе.

²⁶ Концептуальной основой монографии стал тезис о национально-освободительном характере восстания и сталинская формула о революционном союзе пролетариата с освободительным движением колоний и зависимых стран против империализма. Восстание рассматривалось как стихийное, но оказавшее огромное влияние на победу сначала буржуазной Февральской революции, а затем и Октябрьской: «Восстание 1916 г. расшатало колониальную систему царизма в Средней Азии, несмотря на всю свирепость его подавления»³⁶. По утверждению А. В. Шестакова, жестокое подавление восстания царизмом создало предпосылки

для того, чтобы местное население поддерживало большевиков в годы гражданской войны в борьбе против контрреволюции.

²⁷ В определении роли большевиков в организации и руководстве восстанием А. В. Шестаков признавал, что имеющиеся источники не позволяют обнаружить связь восставших масс с партийными организациями большевиков. Однако «в отдельных случаях какие-то намеки на такую связь имеются»³⁷.

²⁸ Автор подчеркивал классовую солидарность в ходе восстания: «... Русские рабочие и беднота нигде не выступали против восставших. Точно также нигде восставшее местное население не выступало против русских рабочих и русской бедноты»³⁸. Местные феодалы кое-где участвовали в организации и руководстве восстанием, но там, где они выходили на первый план, сопротивление царским войскам оказывалось слабым³⁹. Отрицалась революционность джаидов, которые определялись как «среднеазиатские кадеты»⁴⁰. Книга так и не увидела свет. Скорее всего причиной была смерть А. В. Шестакова 29 июня 1941 г.

²⁹

Критика «История Казахской ССР» и попытки ревизии оценки Туркестанского восстания

Настоящей проверкой на прочность мифа о Туркестанском восстании стало обсуждение и критика «Истории Казахской ССР», подготовленной в эвакуации рядом ведущих советских историков (А. М. Панкратовой, М. П. Вяткиным, Н. М. Дружининым, Е. Б. Бекмахановым и другими) и вышедшей в 1943 г. Учитывая военное время, предполагалось, что упор в тексте будет сделан на «военных героических традициях казахов». Из героических событий особый акцент делался на восстании 1916 г.: «Оно как бы подводило итог всей предыдущей борьбе казахов за свою свободу и независимость. Непосредственно сомкнувшись с буржуазно-демократической революциями в России, оно явилось прологом того соединения пролетарской революции с национальной войной, которое предсказывали классики марксизма-ленинизма»⁴¹. В своем письме к руководству Казахской ССР редакторы издания М. Абдыкалыков и А. Панкратова подчеркивали, что именно в данной книге впервые был представлен взгляд на Амангельды Иманова как на настоящего героя и выдающегося лидера восстания⁴².

³⁰ В годы Великой Отечественной войны для поднятия боевого духа солдат-казахов пропаганда активно продвигала культ Амангельды Иманова. В 1944 г. Казахстан отметил 25-летие со дня его смерти⁴³. Были организованы специальные экспедиции для записи фольклора и воспоминаний о восстании⁴⁴. Однако героизация Туркестанского восстания вызывала критику со стороны сторонников более великодержавного и русоцентричного подхода.

³¹ В 1944 г. на волне критики «Истории Казахской ССР» можно было наблюдать и попытки дискредитации Амангельды Иманова. Так, член-корреспондент АН СССР, лауреат Сталинской премии А. И. Яковлев⁴⁵ на совещании историков в ЦК ВКП (б) 10 июня 1944 г. заявил, что «когда в истории Казахстана разворачиваешь страницы с похвалами восстанию Амангельды, происходившем как раз тогда, когда разворачивалось Брусиловское наступление на

нашем юго-западном фронте, это не может не вызвать протеста. Амангельды — герой с точки зрения казахов, но хвалить его подвиги с нашей, русской, точки зрения едва ли удобно»⁴⁶. Эта точка зрения не была принята и подвергалась критике. В частности, на том же совещании представитель Агитпропа Е. Н. Городецкий указывал: «Восстание в 1916 г. в Средней Азии — это одно из национально-освободительных восстаний, которое по характеристике т. Сталина являлось резервом нарастающей пролетарской революции. Характеризовать это восстание как предательский удар в спину русской армии — значит извращать ленинскую оценку войны 1914—1917 гг. и становиться на позиции оправдания и защиты царизма»⁴⁷. Таким образом, ревизия оценки Туркестанского восстания тогда не состоялась.

³² В докладной записке (не ранее 24 октября 1945 г.) Г. М. Маленкову от Управления пропаганды ЦК ВКП (б), в которой оценивалось содержание пропаганды в Казахстане указывалось, что некоторые казахские историки увлеклись идеализацией феодального прошлого и дошли до того, «что поставили на одну доску деятельность подлинно народного героя, руководителя национально-освободительного восстания 1916 г. Амангельды Иманова, с деятельностью Едиге, Кенесары Касымова и некоторых других казахских ханов, стали рассматривать Амангельды как продолжателя дела Едиге и других ханов “в борьбе за свободу, счастье и интересы народа”»⁴⁸. Таким образом, в ходе кампании против «идеализации феодального прошлого» восстание 1916 г. стало его символическим противовесом и именно в этом формате сохранилось в советском историческом нарративе.

³³

Заключение

Итак, в 1920—1930-е гг. можно было наблюдать, что оценка восстания 1916 г. определялась двумя разными акцентами. Если оно рассматривалось в качестве антиколониальной борьбы, то его образ приобретал национальный оттенок. Если подчеркивалась связь с русским пролетариатом или выстраивался четкий континуитет с Октябрьской революцией, то приобретался более отчетливый классовый оттенок, что вписывало восстание в общесоюзный исторический нарратив.

³⁴ Идеологические трансформации периода Великой Отечественной войны полноценно развернулись уже в послевоенное время. Видимо, именно тогда и можно говорить об утверждении так называемого «сталинского русоцентризма». Однако советская идеология продолжала сохранять значительный интернациональный компонент, включая в обиход актуальных историко-идеологических образов и многие исторические фигуры, и символы нерусских народов.

³⁵ Критика «Истории Казахской ССР» привела к трансформации канона написания национальных историй народов СССР. Теперь однозначно осуждались проявления «местного национализма». Прокатилась кампания борьбы с «идеализацией феодального прошлого». То есть многие антицаристские

восстания, которые возглавлялись местными «феодалами», постепенно выпали из обоймы актуальных исторических символов антиколониальной борьбы, в частности казахское восстание второй трети XIX в. под предводительством Кенесары Касымова. Наиболее громким событием стало развенчание в 1950 г. культа Шамиля⁴⁹.

³⁶ Однако Туркестанское восстание, в целом, сохранило свой символический статус национально-освободительного и революционного события. Почему это произошло? Во-первых, важную роль играла фигура Амангельды Иманова, принявшего сторону большевиков и тем самым вписанного в героический революционный миф. В данном случае снималась проблема «идеализации феодального прошлого». Во-вторых, нужно учитывать внешнеполитический фактор. Восстание 1916 г., как антиколониальная революция, оставалось ценным символическим ресурсом, поскольку антиколониальные амбиции Советского Союза активизировались в условиях послевоенного кризиса мировой колониальной системы.

Примечания:

1. Подробнее см.: Котюкова Т. Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? // Обозреватель-Observer. 2011. № 8. С. 98—126; Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии в начале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии): сб. докл. Международной научно-практической конференции, Москва, 18 сентября 2015 г. М., 2015; Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии (сборник документов и материалов) / сост. Т. В. Котюкова. М.: Марджани, 2016; Ганин А. В. Кровавые уроки шестнадцатого года: Восстание 1916 г. в Семиреченской области // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2016. № 1 (7). С. 94—124. ; Туркестанское восстание 1916 г.: факты и интерпретации : Материалы Международной научной конференции, Москва, 23—24 мая 2016 г. М., 2016.
2. Джадидизм — идеология исламского модернизма, одной из задач которого стало развитие национального самосознания исламских народов Российской империи.
3. Например, см.: Локшин А. Е. Восстание в Центральной Азии в 1916 г. в советской и российской историографии. Некоторые особенности и характеристики // Туркестанское восстание 1916 г.: факты и интерпретации. Материалы Международной научной конференции, Москва, 23—24 мая 2016 г. М., 2016. С. 160—179; Сарсенбаев Б. С. Восстание 1916 г. в оценке первых национальных лидеров Казахстана и Кыргызстана 1920—1930-х гг. // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2016. Т. 16. № 6. С. 206—212; Тихонов В. В. Антиколониальная революция: Туркестанское восстание 1916 г. в советской политике памяти (1920-е — середина 50-х гг.) // Уроки Октября и практики советской системы. 1920—1950-е годы: Материалы X международной научной конференции. Москва, 5—7 декабря 2017 г. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 34—41; Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.): [коллективная монография] / ред.-сост.: Т. В. Котюкова. М.: Русский импульс, 2017. С. 387—389 и др.
4. Чокаева А. Красные кыргызы: советская историография восстания 1916 года // Понятия о советском в Центральной Азии. Бишкек, 2016. С. 57—62.
5. Дриё Х. Кино, нация, империя: Узбекистан, 1919—1937. Бостон; СПб., 2023. С. 318.
6. Yilmaz H. National Identities in Soviet Historiography: The Rise of Nations under Stalin. L.; N. Y.: Routledge, 2015.
7. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 9-е изд., доп. М., 1933. С. 47.
8. АРАН. Ф. 638. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 7.
9. Сафаров Г. Колониальная революция: опыт Туркестана. М., 1921; Шестаков А. В. Восстание в Средней Азии 1916 г. // Историк-марксист. 1926. № 2. С. 84—114; Галузо П., Божко Ф. Восстание 1916 года в Средней Азии. Сборник статей. М.; Ташкент, 1932.
10. Рыскулов Т. Из истории борьбы за освобождение Востока. (Восстание киргиз Туркестана против царизма в 1916 г.) // Новый Восток. 1924. № 6; Рыскулов Т. Восстание туземцев Средней Азии в 1916 года. Кызыл Орда, 1927.
11. Дулатова Д. И. Историография дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1984. С. 48—51.
12. Миклашевский А. Социальные движения 1916 г. в Туркестане // Былое. 1924. № 27—28.

13. Федоров Е. Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии. Ташкент, 1925.
14. Зорин А. Н. Революционное движение в Киргизии. Фрунзе, 1931.
15. С конца 1920-х гг. идеологема «осажденной крепости» занимает ведущее место в восприятии внешнего мира. СССР позиционируется в качестве страны, находящейся в кольце врагов, а мир капитализма в условиях мирового кризиса не только враждебен, но и чрезвычайно агрессивен. См.: Голубев А. В. «Если мир обрушится на нашу республику...»: Советское общество и внешняя угроза в 1920—1940-е гг. М., 2008. С. 88—163.
16. Халид А. Создание Узбекистана: Нация, империя и революция в раннесоветский период. Бостон; СПб., 2022. С. 472. Связь между диссертацией и арестом неочевидна, скорее всего арест последовал вследствие внутривластной борьбы. Однако здесь важно отметить «национально-освободительный» подход среднеазиатских историков к Туркестанскому восстанию.
17. Восстание 1916 года в Средней Азии: Тезисы культпропа Средазбюро ЦК ВКП (б) и САНИИР к 15-й годовщине восстания // Галузо П., Божко Ф. Восстание 1916 года в Средней Азии. Сборник статей. М.; Ташкент, 1932. С. 62.
18. Там же. С. 66.
19. Там же. С. 67.
20. Там же. С. 70.
21. Чокаева А. Красные кыргызы: советская историография восстания 1916 года // Понятия о советском в Центральной Азии. Бишкек, 2016. С. 68—70.
22. Асфендиаров С. Д. Национально-освободительное восстание 1916 г. в Казахстане. М.; Алма-Ата, 1936. С. 111.
23. Локшин А. Е. Восстание в Центральной Азии в 1916 г. в советской и российской историографии. Некоторые особенности и характеристики // Туркестанское восстание 1916 г.: факты и интерпретации. С. 167.
24. См.: Бранденбергер Д. Сталинский руссоцентризм: Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931—1956 гг.). М., 2017. Глава 3. Представляется, что Д. Бранденбергер слишком акцентирует т.н. «руссоцентризм» сталинской идеологии второй половины 1930-х гг. Пример Амангельды Иманова наглядно демонстрирует, что пантеон должен был носить многонациональный характер. Д. Бранденбергер признает этот факт, но связывает это с «колебаниями официального курса сталинской массовой культуры» (Там же. С. 99).
25. См.: Тихонов В. В. Как «История народов СССР» стала «Историей СССР»: к вопросу о трансформации идеологических установок советского курса истории в 1930-е годы // Россия и современный мир. 2023. № 1 (121). С. 168—182.
26. В Узбекистане в 1934 г. был снят фильм «Перед рассветом», посвященный восстанию 1916 г. По мнению Х. Дриё, в фильме прослеживался отчетливый национально-антиколониальный дискурс, а русские солдаты предстали в неприглядном виде. Однако, фильм не вышел в прокат и был подвергнут критике, поскольку не демонстрировал классовую и межнациональную солидарность в борьбе с угнетателями. См.: Дриё Х. Кино, нация, империя: Узбекистан, 1919—1937. Бостон; СПб., 2023. С. 317—346.
27. Брайнин С., Тимофеев Н. Амангельды Иманов — вождь восстания 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата, 1939.
28. И. В. Сталин: Историческая идеология в СССР в 1920—1950-е годы: Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений: Сборник документов и материалов. Часть I. 1920—1930-е гг. СПб., 2006. С. 183—217; Историю — в школу: создание первых советских учебников / Вестник Архива Президента Российской Федерации. М., 2008; Дубровский А. М. Власть и историческая мысль в СССР (1930—1950-е гг.). М., 2017. С. 224—250; Тихонов В. В. В преддверии «дружбы народов»: отражение межнациональных отношений народов СССР в школьных учебниках по истории 1930-х гг. // История и историки: историографический вестник. 2015—2019. М., 2021. С. 68—86 и др.
29. Краткий курс истории СССР / под ред. А. В. Шестакова. М., 1937. С. 147.
30. Луцкий Е. А. А. В. Шестаков // История СССР. 1967. № 3. С. 134—141; Алаторцева А. И. А. В. Шестаков — историк и революционер // История СССР. 1978. № 6. С. 94—105; Тихомиров Н. В. А. В. Шестаков как ведущий критик исторической концепции М. Н. Покровского во второй половине 1930-х гг. // Вестник гуманитарного образования. 2021. № 1(21). С. 49—55.
31. АРАН. Ф. 638. Оп. 1. Ед. хр. 129.
32. АРАН. Ф. 638. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 1—7.
33. АРАН. Ф. 638. Оп. 1. Ед. хр. 126. Л. 68—73.
34. Шестаков А. В. 20-летие восстания в Средней Азии (1916—1936) // Революция и национальность. 1936. № 9. С. 41—44.
35. АРАН. Ф. 638. Оп. 1. Ед. хр. 126. Л. 76.

36. АРАН. Ф. 638. Оп. 1. Ед. хр. 126. Л. 82.
  37. АРАН. Ф. 638. Оп. 1. Ед. хр. 126. Л. 83.
  38. АРАН. Ф. 638. Оп. 1. Ед. хр. 126. Л. 95.
  39. АРАН. Ф. 638. Оп. 1. Ед. хр. 126. Л. 102.
  40. АРАН. Ф. 638. Оп. 1. Ед. хр. 126. Л. 174.
  41. История Казахской ССР / под ред. М. Абдыкалыкова и А. Панкратовой. Алма-Ата, 1943. С. 8.
  42. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 224. Л. 26 — 32 об.
  43. Тезисы докладов к 25-летию со дня смерти Амангельды Иманова. Алма-Ата, 1944.
  44. Дулатова Д. И. Историография дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1984. С. 104.
  45. Вполне возможно, что за А. И. Яковлевым и другими «историками-русофилами» стояла влиятельная часть Аппарата ЦК ВКП (б) в лице А. С. Щербакова и Г. Ф. Александрова, ратовавших за советский патриотизм с русским акцентом.
  46. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП (б) в 1944 году // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 82.
  47. Там же.
  48. ЦК ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933—1945. М., 2009. С. 992.
  49. Tillett L. The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1969. P. 130—147; Манышев С. Б. «Первый кавказский революционер»: шейх Мансур в советской историографии // Minbar. Islamic Studies. 2023. № 3 (16). С. 518—520.
-

Библиография:

1. Алаторцева А. И. А. В. Шестаков — историк и революционер // История СССР. 1978. № 6. С. 94—105.
2. Асфендиаров С. Д. Национально-освободительное восстание 1916 г. в Казахстане. М.; Алма-Ата, 1936.
3. Брайнин С., Тимофеев Н. Амангельды Иманов — вождь восстания 1916 г. в Казахстане. Алма-Ата, 1939.
4. Бранденбергер Д. Сталинский руссоцентризм: Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931—1956 гг.). М., 2017.
5. Восстание 1916 года в Туркестане: документальные свидетельства общей трагедии (сборник документов и материалов) / сост. Т. В. Котюкова. М., 2016.
6. Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (К 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.): [коллективная монография] / ред.-сост.: Т. В. Котюкова. М., 2017.
7. Галузо П., Божко Ф. Восстание 1916 года в Средней Азии. Сборник статей. М.; Ташкент, 1932.
8. Ганин А. В. Кровавые уроки шестнадцатого года: Восстание 1916 г. в Семиреченской области // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2016. № 1 (7). С. 94—124.

9. Голубев А. В. «Если мир обрушится на нашу республику...»: Советское общество и внешняя угроза в 1920—1940-е гг. М., 2008.
10. Дриё Х. Кино, нация, империя: Узбекистан, 1919—1937. Бостон; СПб., 2023.
11. Дубровский А. М. Власть и историческая мысль в СССР (1930—1950-е гг.). М., 2017.
12. Дулатова Д. И. Историография дореволюционного Казахстана. Алма-Ата, 1984.
13. Зорин А. Н. Революционное движение в Киргизии. Фрунзе, 1931.
14. И. В. Сталин: Историческая идеология в СССР в 1920—1950-е годы: Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений: Сборник документов и материалов. Ч. I. 1920—1930-е годы. СПб., 2006.
15. Историю — в школу: создание первых советских учебников / Вестник Архива Президента Российской Федерации. М., 2008.
16. История Казахской ССР / под ред. М. Абдыкалыкова и А. Панкратовой. Алма-Ата, 1943.
17. Котюкова Т. Восстание 1916 г. в Туркестане: ошибка власти или историческая закономерность? // Обозреватель/Observer. 2011. № 8. С. 98—126.
18. Краткий курс истории СССР / под ред. А. В. Шестакова. М., 1937.
19. Локшин А. Е. Восстание в Центральной Азии в 1916 г. в советской и российской историографии. Некоторые особенности и характеристики // Туркестанское восстание 1916 г.: факты и интерпретации. Материалы Международной научной конференции, Москва, 23—24 мая 2016 г. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 160—179.
20. Луцкий Е. А. А. В. Шестаков // История СССР. 1967. № 3. С. 134—141.
21. Манышев С. Б. «Первый кавказский революционер»: шейх Мансур в советской историографии // Minbar. Islamic Studies. 2023. № 3 (16). С. 518—520.
22. Миклашевский А. Социальные движения 1916 г. в Туркестане // Былое. 1924. № 27—28.
23. Рыскулов Т. Восстание туземцев Средней Азии в 1916 года. Кызыл Орда, 1927.
24. Рыскулов Т. Из истории борьбы за освобождение Востока. (Восстание киргиз Туркестана против царизма в 1916 г.) // Новый Восток. 1924. № 6. С. 270—274.
25. Сарсенбаев Б. С. Восстание 1916 г. в оценке первых национальных лидеров Казахстана и Кыргызстана 1920—1930-х гг. // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2016. Т. 16. № 6. С. 206—212.

26. Сафаров Г. Колониальная революция: опыт Туркестана. М., 1921.
27. Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 9-е изд., доп. М.: Политиздат, 1933.
28. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП (б) в 1944 году // Вопросы истории. 1996. № 4. С. 44—77.
29. Тезисы докладов к 25-летию со дня смерти Амангельды Иманова. Алма-Ата, 1944.
30. Тихомиров Н. В. А. В. Шестаков как ведущий критик исторической концепции М. Н. Покровского во второй половине 1930-х гг. // Вестник гуманитарного образования. 2021. № 1(21). С. 49—55.
31. Тихонов В. В. Антиколониальная революция: Туркестанское восстание 1916 г. в советской политике памяти (1920-е — середина 50-х гг.) // Уроки Октября и практики советской системы. 1920—1950-е годы: Материалы X международной научной конференции. Москва, 5—7 декабря 2017 г. М., 2018. С. 34—41.
32. Тихонов В. В. В преддверии «дружбы народов»: отражение межнациональных отношений народов СССР в школьных учебниках по истории 1930-х гг. // История и историки: историографический вестник. 2015—2019. М., 2021. С. 68—86.
33. Тихонов В. В. Как «История народов СССР» стала «Историей СССР»: к вопросу о трансформации идеологических установок советского курса истории в 1930-е годы // Россия и современный мир. 2023. № 1 (121). С. 168—182.
34. Туркестанское восстание 1916 г.: факты и интерпретации: Материалы Международной научной конференции, Москва, 23—24 мая 2016 г. М., 2016.
35. Федоров Е. Очерки национально-освободительного движения в Средней Азии. Ташкент, 1925.
36. Халид А. Создание Узбекистана: Нация, империя и революция в раннесоветский период. Бостон; СПб., 2022.
37. Цивилизационно-культурные аспекты взаимоотношений России и народов Центральной Азии вначале XX столетия (1916 год: уроки общей трагедии): сб. докл. Международной научно-практической конференции, Москва, 18 сентября 2015 г. М., 2015.
38. ЦК ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 2. 1933—1945. М., 2009.
39. Чокаева А. Красные кыргызы: советская историография восстания 1916 года // Понятия о советском в Центральной Азии. Бишкек, 2016. С. 57—62.
40. Шестаков А. В. 20-летие восстания в Средней Азии (1916—1936) // Революция и национальность. 1936. № 9. С. 41—44.

41. Шестаков А. В. Восстание в Средней Азии 1916 г. // Историк-марксист. 1926. № 2. С. 84—114.
42. Tillett L. The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. Chapel Hill: The University of North Carolina Press; 1969.
43. Yilmaz H. National Identities in Soviet Historiography: The Rise of Nations under Stalin. L.; N. Y.: Routledge, 2015.

Creating a Revolutionary History of the Soviet East: the Turkestan Uprising of 1916 in Soviet Historiography and Propaganda of the 1920s and 1940s

Vitaliy Tikhonov

Institute of Russian History RAS

Russian Federation, Moscow

Abstract

The article analyzes the contexts of the formation and development of the image of the Turkestan uprising of 1916 in Soviet historical science and propaganda of the 1920s and 1940s. The work uses both published and unpublished sources. In particular, an unpublished monograph by A.V. Shestakov is being introduced into scientific circulation. It is demonstrated that the uprising was firmly embedded in the class-anti-colonial discourse of the Soviet historical narrative, fulfilling the function of constructing the revolutionary history of Central Asia and building its continuity with the October Revolution. It is indicated that the foreign policy factor played a significant role in updating the image of the uprising, since the Soviet government considered the uprising as a mobilizing image for the colonial-dependent peoples. Despite the revision of the evaluation of the anti-Tsarist uprisings in the 1940s, the Turkestan uprising retained its position in the official policy of memory, since it opposed the “idealization of the feudal past” and supported the all-Union revolutionary myth.

Keywords: Turkestan uprising of 1916, Amangeldy Imanov, Soviet historical narrative, national policy, revolutionary myth, A. V. Shestakov, meeting of historians in 1944

Publication date: 31.05.2024

Citation link:

Tikhonov V. Creating a Revolutionary History of the Soviet East: the Turkestan Uprising of 1916 in Soviet Historiography and Propaganda of the 1920s and 1940s // ISTORIYA. – 2024. – V. 15. – Issue 3 (137). URL: <https://history.jes.su/s207987840031024-5-1/>. DOI: 10.18254/S207987840031024-5